

ПАМЯТНИКИ ПОТЧЕВАШСКОГО ТИПА В КАЗАХСТАНСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ

Одним из актуальных вопросов средневековой археологии казахстанского Прииртышья является культурная и хронологическая принадлежность комплексов с так называемой фигурно-штамповкой керамикой. Впервые подобные материалы были найдены в кургане №12 Качирского могильника, расположенного на севере Павлодарской области. В отличие от других курганов могильника, содержащих погребения кимакского времени по обряду ингумации, в этом кургане были обнаружены остатки трупосожжения в сопровождении костей лошади и нескольких сосудов, украшенных не обычным для местных памятников фигурным и гребенчатым штампом. Е. И. Агеевой и А. Г. Максимовой, исследовавшими этот памятник, отмечалось, что материалы его близки средневековым древностям Прикамья, а также Верхнего Приобья – памятникам фоминского этапа¹.

Позднее материалы Качирского могильника анализировались Ф. Х. Арслановой. Она обратила внимание на их сходство с Бобровскими курганами, где также были изучены погребения по обряду кремации с керамикой, украшенной фигурным штампом. На основании датировки Бобровского могильника оба памятника были отнесены к 8–9 вв. н.э., а в культурном плане отождествлялись с племенами тюркоязычных кочевников, входивших в кимако-кипчакское объединение². В дальнейшем происхождение этих комплексов, не типичных для тюркских древностей Прииртышья, объяснялось ей этнокультурными диффузиями – взаимопроникновением двух соседствующих этнокультурных массивов тюркского и угро-самодийского. К этому же кругу памятников она относила и местонахождение керамики у с. Башмачное, где был найден сосуд, сходный по форме с посудой из Бобровских курга-

¹ Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года // Тр. ИИАЭ АН Казахской ССР. Алма-Ата, 1959. Т.7. С. 54–58.

² Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII – XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 98–111.

нов³. В более поздних работах Ф. Х. Арсланова не исключала принадлежность Бобровских и Качирского курганов к кругу угро-самодийских древностей, оставленных населением, испытавшим тюркское воздействие, а также активного участия угро-самодийцев в Кимакском каганате⁴.

Большое влияние на научные взгляды Ф. Х. Арслановой оказали результаты археологического изучения сопредельных районов Западной Сибири, где в начале 50-х годов прошлого века был открыт ряд новых археологических культур, в том числе и потчевашская, выделенная по материалам раскопок курганов и городища Потчеваш в Среднем Прииртышье. Первоначально данная культура относилась к эпохе раннего железа, позднее памятники потчевашской АК были отнесены к средневековью, а в этнокультурном плане отождествлены с угро-самодийцами. В процессе дальнейшего накопления и осмысливания артефактов сибирскими археологами были скорректированы культурообразующие комплексы, хронология и определен основной ареал данной культуры⁵.

Большинство потчевашских памятников локализовано в лесостепном и Южно-Таежном Прииртышье с прилегающими территориями Обь-Иртышья и Ишимо-Иртышского междуречья. В сопредельных районах Казахстана памятники потчевашского типа впервые были выделены В. А. Могильниковым. Согласно его гипотезе угро-самодийские племена потчевашской культуры, основной территорией расселения которых было тарско-тобольское Прииртышье, в VII–VIII вв. н.э. продвинулись далеко на юг в опустевшую в эпоху переселения народов лесостепь, где в VIII–IX вв. попадали в сферу тюркской экспансии и

были ассимилированы тюрками⁶. По его мнению, в Северо-Восточном Казахстане эти процессы отражены местонахождением керамики у с. Башмачное и погребениями по обряду кремации Качирского и Бобровского могильников, принадлежащих тюркизирующими (Качиры-1) и тюркизованным (Боброво 2) угро-самодийцам⁷.

В последние годы с накоплением новых материалов появилась возможность расширить круг источников по данной проблематике путем привлечения случайных находок из фондов Павлодарского историко-краеведческого музея а также материалов, собранных в ходе разведочных работ.

В настоящее время поселенческие материалы потчевашского типа в изучаемом регионе представлены небольшими коллекциями керамики, собранной на поселениях Кызыл-Как, Вторы-4, Комарицино, местонахождениях у с. Павлодарское и Чернорецкое⁸. Опубликованная Ф. Х. Арслановой керамика из местонахождения у с. Башмачное, которую В. А. Могильников относил к потчевашскому типу, представлена всего лишь одним неорнаментированным фрагментом. В связи с этим его принадлежность к памятникам потчевашского типа вызывает определенные сомнения.

За исключением поселения Кызыл-Как, расположенного в левобережном Прииртышье, все остальные известные памятники сосредоточены в долине Иртыша – от с. Комарицино (южнее г. Павлодара) до границ с Омской областью Российской Федерации.

Коллекции керамики, относимой нами к потчевашскому типу, характеризуются фрагментами круглодонной, тонкостенной посуды коричне-

³Арсланова Ф.Х. Керамика раннесредневековых курганов Казахстанского Прииртышья // Средневековые древности Евразийских степей. М., 1980. С. 79-104.

⁴Арсланова Ф.Х. К вопросу о связях племен Павлодарского Прииртышья с населением Западной Сибири. Томск, 1983. С. 105-117; Арсланова Ф.Х. К вопросу о взаимосвязях урало-алтайского населения в IX–X вв. // Урало-Алтаистика. Археология, этнография, язык. Новосибирск, 1985. С. 63-67.

⁵Геннин В.Ф., Корякова Л.Н., Овчинникова Б.Б., Федорова Н.В. Памятники железного века в Омском Прииртышье // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 215-224; Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 183-193; Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале 1 тысячелетия н.э. Новосибирск, 1991.

⁶Могильников В.А. Археологическая разведка на севере Омской области // Археология Средней Азии, Сибири и Поволжья // КСИА. М., 1973. № 136. С. 99.

⁷Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири. С. 184-185, карта 37.

⁸Смагулов Т.Н., Пересветов Г.Ю. Керамика с фигурно-штамповой орнаментацией из фондов Павлодарского областного историко-краеведческого музея // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2002. С. 175-178; Смагулов Т.Н. Новые материалы потчевашской культуры с озера Кызыл-Как // Традиционные культуры и общества Северной Азии. Кемерово, 2004. С. 278-280.

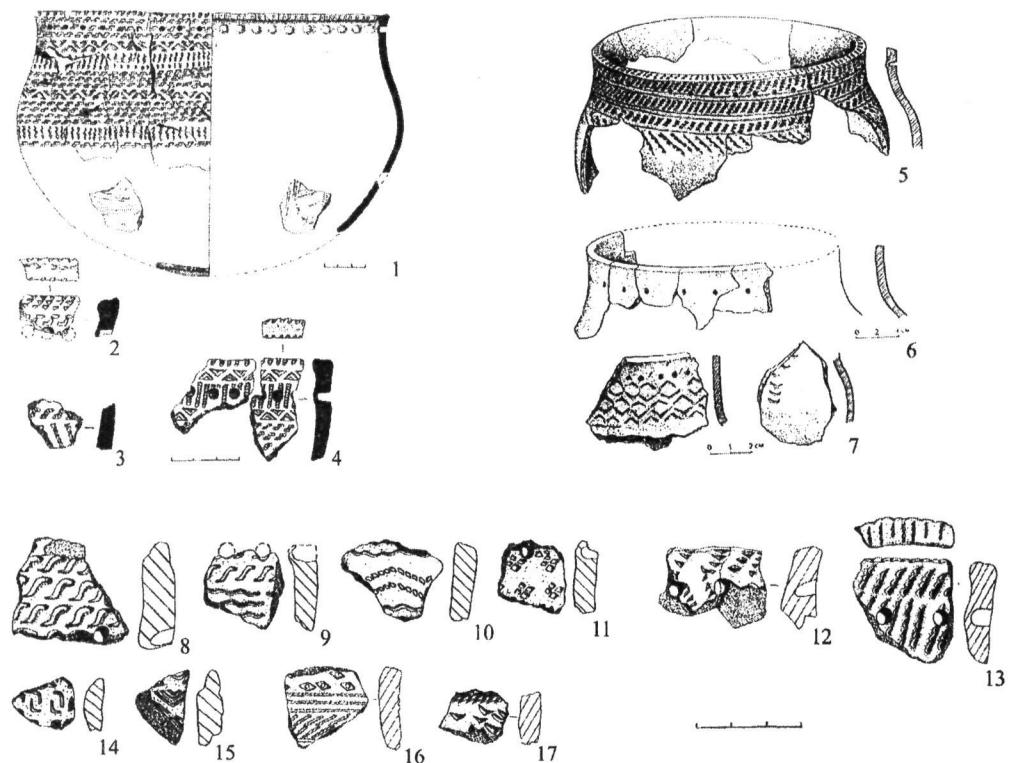

Рис. 1. Керамика потчевашского типа: 1,2 – Павлодарское; 3,4 – Чернорецкий; 5–7 – Качиры 1; 8–11,14,15 – Кызыл-Как; 12,16,17 – Вторы-4; 13 – Комарицино

вого цвета, с включениями песка. Среди керамики, найденной у п. Чернорецкого и на озере Кызыл-Как, есть обломки венчиков от сосудов чашевидной формы (рис. 1, 2, 4, 8), которые, так же, как и сосуды горшечной формы (рис. 1, 1, 5, 7) типичны для потчевашской культуры⁹. Обращает на себя внимание и форма венчиков из Чернорецкого, Павлодарского и Комарицино. На них с внутренней стороны имеются так называемые “свисающие карнизы” (рис. 1, 1, 2, 4, 13) являющиеся одним из диагностирующих признаков для посуды потчевашской культуры¹⁰. Весьма показательно, что орнамент наносился при помощи гребенчатых и разнообразных фигурных штампов. Например, во всех коллекциях присутствуют оттиски наклонно поставленной гребенки с акцентированным нажимом, насечками гребенчатого штампа украшены венчики сосудов из Качирского могильника, Павлодарского, Чернорецкого и Вторы-4 (рис. 1, 1, 2, 4–5, 16). Горизон-

тальные линии гребенки, опоясывающие туло-сосуда, отмечены в коллекциях из Качирского могильника и поселения Вторы-4 (рис. 1, 5, 16). Аналогичны потчевашским и фигурные штампы в виде простой и рубчатой «уточки» (рис. 1, 1–4, 8–9), «змейки» (рис. 1, 1), а также треугольные (рис. 1, 15), волнистые (рис. 1, 9), ромбовидные (рис. 1, 7), уголковые (рис. 1, 1, 4) и другие оттиски, придающие пышность и нарядность декора керамики. Еще одной деталью, подчеркивающей сходство с потчевашской посудой, являются ямочные вдавления, наносившиеся поверх другого рисунка на шейки сосудов. Так же, как и на потчевашской посуде, элементы орнамента располагаются чередующимися горизонтальными линиями и украшают верхнюю часть сосуда – венчик, шейку, плечико и верхнюю часть туло-а¹¹.

По форме и орнаментации керамика близка посуде из памятников сперановского и горноста-

⁹ Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 190–191; Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н.э. Новосибирск, 1991. С. 60–81.

¹⁰ Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия... С. 60–81.

¹¹ Там же.

левского этапов. Так, материалы с поселения Вторы-4 и Комарицино находят аналогии в памятниках Нижнетарского археологического микрорайона и Барабы¹². Посуда из Качирского могильника, сочетающая фигурный и гребенчатый штампы, сходна с керамикой поселений Преображенка и Туруновка 1 в Барабинской лесостепи, а также с Петровским городищем и могильником Окунево-3 в Омском Прииртышье¹³. Керамика из Павлодарского, Чернорецкого и Кызыл-Кака украшена фигурными штампами в виде “уголков”, “змейки”, “волны” и “уточки”. Сопоставима с потчевашскими керамическими комплексами могильника Окунево 3, городищем Большой Лог и поселениями на р. Тара¹⁴. Значительное сходство наблюдается с керамикой городищ Сперановское, Сопка 1 и поселением Туруновка 3, лесостепного Прииртышья и Барабы¹⁵.

С носителям керамики потчевашского типа, вероятно, следует связывать и ряд случайно найденных бронзовых украшений и культовых предметов из фондов Павлодарского областного историко-краеведческого музея. Одна из этих находок представлена изображением птицы с развернутыми крыльями и распущенными хвостом (рис. 2, 1)¹⁶. Глаза птицы воспроизведены двумя точками в середине полой головы. Перья на крыльях показаны пересеченными линиями – “сеткой”. Хвостовое оперение передано пятью попечерными линиями, а прижатые к туловищу ноги обозначены в виде отпечатка трехпалой птичьей лапы. На брюшке изображена человеческая личина, состоящая из наклонно поставленных овалов глаз и дуговидного рта. На обратной сто-

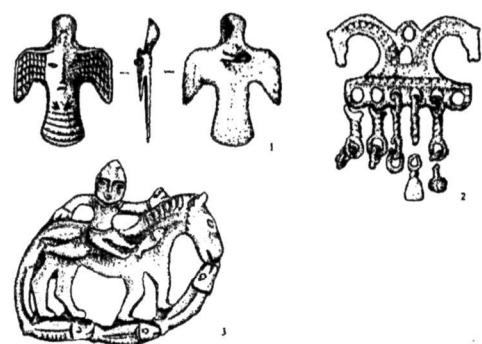

Рис. 2. Случайные находки из фондов Павлодарского областного историко-краеведческого музея

роне фигурки имеется скобкообразная петля для крепления.

Данное изделие очень похоже на потчевашско-релкинские орнитоморфные и орнитоантропоморфные личины¹⁷. Аналогии прослежены в материале, технологии изготовления (полое, одностороннее литье, полировка поверхности) и сюжетном сходстве: хищная птица с расправленными крыльями и человеческой личиной на груди. Сходны с сибирскими и способы передачи изображения. Так, на одной из релкинских птицевидных личин оперение хвоста показано в виде попечерных линий¹⁸. Аналогичным способом проработан хвост и на павлодарской находке (рис. 2, 1). Широко распространен в средневековом сибирском зверином стиле также и “сетчатый”, или «решетчатый орнамент», присутствующий на изображениях животных¹⁹.

Касаясь семантики орнитоантропоморфных изображений, нужно отметить, что ряд исследователей связывает их с “небесной солнечной птицей Карс” – легендарной птицей, наделенной че-

¹² Большаник П.В., Жук А.В., Матющенко В.И. и др. Нижнетарский археологический микрорайон. Новосибирск, 2001. С. 161, рис. 64.4; Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале 1 тысячелетия... С. 76, рис. 33.

¹³ Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале 1 тысячелетия ... С. 120, рис. 55.12, 16; Могильников В.А. Археологическая разведка... С. 98, рис. 34; Могильников В.А., Коников Б.А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. 1983, № 2. С. 169, рис. 8.6.

¹⁴ Могильников В.А., Коников Б.А. Могильник потчевашской культуры... С. 165, рис. 3; Генинг В.Ф., Корякова Л.Н., Овчинникова Б.Б., Федорова Н.В. Памятники железного века... Рис. 1.57, 60; Большаник П.В., Жук А.В., Матющенко В.И. и др. Нижнетарский археологический микрорайон. Новосибирск, 2001. Рис. 64.1, 5; рис. 66.1. С. 160–65.

¹⁵ Могильников В.А. Сперановское городище // Памятники железного века на территории СССР // КСИА. М., 1971. № 128. С. 48–52, рис. 17; Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале 1 тысячелетия.. С. 76, рис. 33.

¹⁶ Асланова Ф.Х. К вопросу о связях племен Павлодарского Прииртышья... С. 105–117, рис. 1.2.

¹⁷ Могильников В.А., Коников Б.А. Могильник потчевашской культуры... С. 164–167, рис. 2.6, рис. 6.10; Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху средневековья. Томск, 1991. С. 162, рис. 22.1–3; Могильников В.А. Угры и самодийцы... Табл. XCIII, рис. 11, 14–21.

¹⁸ Чиндина Л.А. История Среднего Приобья... С. 162, рис. 22.2.

¹⁹ Коников Б.А. Зооантропоморфные изображения эпохи раннего средневековья из Омского Прииртышья // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980. С. 44, рис. 1.9; Могильников В.А. Угры и самодийцы... Табл. LXXVIII, рис. 21.

ловеческими качествами, образ которой фигурирует в сказаниях лесных народов²⁰.

С потчевашко-релкинскими древностями сопоставима и фигурка всадника, изображенно го в низко надвинутом на широкое лицо остроконечном головном уборе (боевом шлеме?) (рис. 2, 3). На лице обозначены широко поставленные глаза, рот. В нижней части абриса лица угадывается подбородок. Голова всадника посажена на асимметрично маленькое туловище. На туловище имеется изображение одежды без рукавов (доспех?), одетой поверх другой одежды с длинными рукавами. Ноги человека перекинуты на одну сторону и вытянуты влево, в сторону морды лошади. Руки изображены трехпалыми и неестественно длинными по отношению к туловищу. Левая рука лежит на гриве лошади, правая согнута в локте и находится на крупе животного. Лошадь показана в движении, что придает композиции некоторую динамику, усиливающуюся благодаря изображениям плывущих рыб различных пород. Три рыбы плывут у ног всадника параллельно движению лошади, еще три изображены под ногами лошади, плывущими друг за другом в том же направлении.

Эта находка очень похожа на бронзовое литое изображение воина релкинской культуры 6–8 вв.²¹ Воин показан сидящим на коротконогом, приземистом коне. Непропорционально большая голова его посажена на короткое, лишенное шеи туловище. Так же, как и у всадника из павлодарского музея, руки у него раскинуты в стороны, трехпалы и асимметрично длинные по отношению к туловищу. В левой руке воин держит саблю, а правой придерживает ножны. Лошадь его попирает ногами какое-то фантастическое животное, возможно змею. Схожие сюжеты также присутствуют и на “всаднических” фигурках из Новосибирского музея и поселения Кипо-Кулары в

Омском Прииртышье²². Образ воина-всадника, запечатленный на средневековых бронзовых фигурках из Обь-Иртышского междуречья, отражает религиозно-мифологические представления северных народов, занимая одно из центральных мест в угро-самодийском пантеоне.

В сибирской археологической и этнографической литературе литые и процарапанные изображения всадников интерпретируются как отображение образа мифического Таляхынг-Кентуп-Хума – “человека в остроконечном шлеме” или Мир-Сусне-Хума – “за людьми смотрящего человека – небесного всадника, обезжающего на белом коне верхний и средний миры и скачущего через небесное пламя”²³. До недавнего времени у лесных народов существовали специальные святилища в честь этого божества. Как небеснозвездательно считают специалисты, знаменитые сибирские “оружейные клады”, подобные Парабельскому и Елыкаевскому, являются остатками заброшенных средневековых святилищ Мир-Сусне-Хума²⁴. По мнению Н. В. Полосьмак, иконография Мир-Сусне-Хума отражает его важнейшую функцию посредника между людьми и богами: он всегда в пути, верхом на коне спускается в нижний мир или поднимается в верхний²⁵. В связи с этим сюжет, изображенный на находке из Павлодарской области, можно интерпретировать как момент путешествия Мир-Сусне-Хума по подземному миру (или лицетворением его в угорской мифологии являются рыбы), или восхождения в мир верхний – к свету и солнцу.

Проявления культа солнца и огня у носителей керамики потчевашского типа мы можем наблюдать на примере кургана №12 Качирского могильника, где были обнаружены погребения по обряду кремации. Здесь также найдены остатки жертвоприношений в виде черепа и костей лошади, свидетельствующие об особом отношении

²⁰ Плотников Ю.А. «Клады» Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 120-132.

²¹ Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху средневековья. Томск, 1991. С. 170, рис. 30.12.

²² Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск, 1991. С. 3-80; Воронцов В.В. Бронзовые изображения всадников I-начала II тыс.н.э. с территории Обь-Иртышья // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001. С.409-411, рис.1.

²³ Плотников Ю.А. «Клады» Приобья как исторический источник... С. 120-132; Полосьмак Н.В. Мир-Сусне-Хум – небесный всадник // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 180-191.

²⁴ Плотников Ю.А. «Клады» Приобья как исторический источник... С. 120-132.

²⁵ Полосьмак Н.В. Мир-Сусне-Хум – небесный всадник ... С. 180-191; Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства... С. 69.

к этому животному. Не случайно кости лошади присутствуют и в других могильниках потчевашской культуры, а глиняные фигурки лошадей и всадников найдены в культурном слое городища Потчеваш и памятниках Барабы²⁶.

Образ лошади запечатлен и в бронзовом литье, так называемых коньковых подвесках, подобных подвеске из Павлодарского музея. Это изделие является изображением двух изящно очерченных лошадиных голов, повернутых в противоположные стороны (рис.2,2). Шеи лошадей и основание подвески украшены линиями бугорков-жемчужин. В основании расположены шесть круглых отверстий – петель, на которых крепились подвески в виде маленьких колокольчиков. В верхней части между гривами лошадей имеется еще одна петля, служившая для крепления изделия. В средневековые подобные украшения были широко распространены среди угро-самодийских народов Приуралья и Западной Сибири. Известны они и в памятниках усть-ишимского этапа потчевашской культуры²⁷.

В современной историографии появление в изучаемом регионе комплексов с фигурно-штампованной керамикой связывается с миграциями таежных племен кулайцев-саровцев, происходившими на рубеже эр и в начале 1 тыс. н.э. в Верхнее Приобье и Среднее Прииртышье. В Прииртышье саровцы смешиваются с племенами новочекинской и саргатской культур в результате чего, как считают исследователи, появляется потчевашская культура²⁸. После прекращения существования саргатской культуры, в Прииртышье, к середине 1 тысячелетия, потчевашцы осваивают ареал саргатской культуры, в который входила и северная лесостепная часть Павлодарской области.

Расселение потчевашцев на юге лесостепи и проникновение в степную зону объясняются не только наличием свободных территорий или сме-

щением природных зон, но и развитием экономики. Она носила многоотраслевой характер и сочетала в себе производящие и присваивающие формы в виде скотоводства, земледелия, охоты и рыбной ловли. В зависимости от природных зон, соотношение присваивающих и производящих форм хозяйства было различным. В зоне тайги господствовали охота и рыболовство, в южной лесной и лесостепной зоне преобладали скотоводство и земледелие²⁹. Так, на городище Атакка-1 в Южно-Таежном Прииртышье преобладающее значение в хозяйстве местных племен имели охота и рыболовство, скотоводство же занимало незначительное место³⁰.

В лесостепном Прииртышье и Барабе ситуация была обратной. Здесь превалирующим являлось скотоводство. Остеологические материалы с памятников Прииртышья и Барабы показывают преобладание в потчевашском стаде лошадей и наличие мелкого и крупного рогатого скота. Отмечены также единичные факты присутствия костей верблюда и свиньи на Новоягодном и Мурлинском городищах³¹. По наблюдениям сибирских археологов поселения потчевашцев на юге лесостепи были не столь долговременны как в более северных районах, что, возможно, было связано с возрастанием в их хозяйстве доли полукочевого скотоводства³². Благоприятные для скотоводства условия лесостепи способствовали относительно быстрому росту поголовья скота и численности населения. Вероятно, родовые группы, сегментируясь, были вынуждены осваивать новые территории и проникать все дальше на юг, в южную лесостепь и степное Прииртышье.

Движение могло происходить по долине Иртыша, наиболее соответствовавшей хозяйственно-культурному типу мигрантов. Здесь имеются все условия для развития скотоводства, земледелия, а также значительные ресурсы для актив-

²⁶ Могильников В.А. Угры и самодийцы ... С. 189; Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале... С. 82-85, рис. 34.

²⁷ Коников Б.А. Усть-Ишимские курганы и некоторые вопросы раннесредневековой истории таежного Прииртышья // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984. С. 88-98, рис. 4.1; Могильников В.А. Угры и самодийцы ...табл. LXXXII, рис. 21.

²⁸ Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале 1 тысячелетия... С. 98-103.

²⁹ Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири... С. 191.

³⁰ Плахута Д.О., Скандалов И.Е. Городище Атакка I потчевашского времени // Исторический ежегодник. Омск, 2000. С.156-162.

³¹ Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири... С. 191.

³² Шемякина А.С. Особенности хозяйства потчевашского населения в условиях лесостепной зоны // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С.79-80.

ной охоты и рыбной ловли. Не исключено, что, кроме Иртыша, миграции могли осуществляться из лесостепной Барабы через Южно-Барабинскую низменность, которая включает в себя и северо-восточную часть Павлодарской области. Она богата озерами, покрыта березовыми колками и мало чем отличается по природным условиям от лесостепной Барабы, где сегодня известны поселения, городища и могильники потчевашской культуры³³.

Обнаружение материалов потчевашского типа на озере Кызыл-Как в степной части левобережного Прииртышья³⁴ позволяет предположить еще одно возможное направление миграции, которое могло осуществляться по Камышловскому логу и далее в направлении северо-восточных окраин Казахского мелкосопочника, через озеро Кызыл-Как и расположенные неподалеку одно из крупнейших озер Сырыарки-Селетытениз. Керамика потчевашского облика обнаружена и в Северном Казахстане, в могильнике Соколовка-2³⁵. Здесь расселение, вероятно, осуществлялось из Нижнего Приишимья, где известны городища и могильники, относимые к потчевашской культуре.

В степном и лесостепном Прииртышье потчевашское население взаимодействовало с кочевыми и полукочевыми племенами Кулунды и Восточной Сарыарки. Поэтому в материалах потчевашских погребений не редки предметы, характерные для тюркских комплексов. Это поясная гарнитура, конское снаряжение, оружие и другие категории инвентаря³⁶. На территории Обь-Иртышья имеется и ряд памятников, сочетающих, по мнению исследователей, культурные традиции обеих групп населения. Это могильни-

ки Боброво 2, Чулым 2, Преображенка 3, Айткулово³⁷, которые характеризуются синcretичным погребальным обрядом и инвентарем. Сближеннию способствовали общность территории, скотоводческий уклад хозяйства, торгово-обменные связи и государственность в рамках Кимакского каганата. Как известно из письменных источников, каганат имел полиэтничную структуру и включал в себя наряду с Казахстаном и районы Западной Сибири³⁸. О том, насколько глубоки были эти взаимовлияния, можно судить по наличию преемственности потчевашских традиций в культуре тюркоязычных сибирских татар, выявленных новосибирскими археологами в материалах позднесредневековых памятников Барабы³⁹.

Дальнейшее накопление и изучение источников позволит глубже понять историко-культурную ситуацию на территории Прииртышья в эпоху раннего средневековья, а также осветить малоизученные стороны этногенеза народов Казахстана и Западной Сибири.

Резюме

Қазақстан мен Сібірдің ортағасырлық тарихы мен археологиясы сұрақтары зерттелген. Автор қазақстандық Ертіс бойынан таралатын, потчеваштық археология ескерткіштерінің мәселелерін зерттейді. Ертіс өзені алқабынан табылған көне өнер бүйімдары мен керамикалары ғылыми айналысқа енеді.

Summary

The researching work is dedicated to the questions of middle-aged history and archeology of Kazakhstan and Siberia. The author examined the problem of potchuvash archeological monuments' origin in Kazakhstan Priirtishie. Ceramics collections and samples of ancient art of Irtish valley are entered into scientific turn.

³³ Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале... С. 12, рис. 1; Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. и др. Бараба в тюркское время. Новосибирск, 1990. С. 112-129; Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск, 2004. Т.2. С. 5-6.

³⁴ Смагулов Т.Н. Новые материалы потчевашской культуры... С. 278-280.

³⁵ Акишев К.А. Памятники старины Северного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата, 1959. Т. 7. С. 24-25.

³⁶ Могильников В.А., Коников Б.А. Могильник потчевашской культуры... С. 174-181; Могильников В.А. Угры и самодийцы... С. 187-190.

³⁷ Арсланова Ф.Х. Керамика раннесредневековых курганов... С. 79-104; Чагаева А.С. Могильники в окрестностях деревни Айткулово Омской области // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 4. С. 103-116; Молодин В.И. и др. Бараба в тюркское время... С. 13-86; Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. Погребения тюркского времени из могильника Преображенка-3 (Центральная Бараба) // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 123-137; Могильников В.А. К этнокультурной интерпретации древностей степи и лесостепи Западной Сибири эпохи раннего средневековья // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 1998. Ч. 2. С. 21-24.

³⁸ Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 53-59.

³⁹ Молодин В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990.